

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ АЗАРЕНКО

Доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии Уральского Федерального университета им. Б.Н. Ельцина.

Email: sergey_azarenko@mail.ru

СОВРЕМЕННОСТЬ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ И ЕЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Состояние духовности в современном мире

Современность принято выражать через метафору информационной эпохи, подчеркивая главенствующее положение информации и всевозможных коммуникативных потоков в социальности. Человек вообще существо совместное и потому изначально принадлежит коммуникации. Совместность как измерение онтологии коммуникации есть место формирования совместной практики людей, объединяемых повторяемыми и регулярными телесными взаимодействиями, при которых создается со-общение, способствующее при-общению людей к со-обществу с определенными представлениями, ценностями и т.п. Невозможно представить людей вне коммуны и коммуникации, вне общества и общения. Но существование современного человека проблематизируется во многом именно благодаря его погруженности в информационные потоки, которые интенсифицируются электронными технологиями. Люди живут в условиях, когда они уже не могут обходиться без телекоммуникаций, мобильной связи и т.п.

В этой связи возникают такие проблемы современной эпохи, как «клиповое мышление» в ущерб целостному смысловому; превалирование игровых, но не действительных форм отношений; изменение в гендерной сфере, то есть в сфере отношений между мужчиной и женщиной, когда под угрозой оказалось существование семьи; и, наконец, возникновение зыбкого информационного пространства симуляции и виртуальности, где становится вообще затруднительным говорить о подлинности или неподлинности границ нашего бытия. Нельзя также обойти вниманием так называемый мировой кризис, который подают главным образом с экономической стороны, тогда как он выражает несостоятельность действий, прежде всего, в области управления, и, в конечном итоге, в духовной сфере.

Итак, мы живем в информационную эпоху, то есть в эпоху господства разнообразных электронных связей. Мы не можем уже обходиться без сотовой связи, как и наши дети зачастую – без общения посредством Интернета в ущерб живой коммуникации. Такова ситуация повседневности, которая таит в себе более глубокий процесс, а именно процесс сужения пространства и времени нашего существования электронными связями, поскольку при их посредстве, люди, минуя расстояния, могут вступать в различные связи. Именно таким образом происходит стягивание пространства и времени нашего мира, которое носит не внешний, а сущностный характер, поскольку приводит к сужению смыслового горизонта человека, низводя его целостное восприятие до клипового мышления. Это время господства коротких

сообщений, объявлений, слоганов, рекламы. Собственно, это тот тип сетевой коммуникации, который начал деформировать духовный мир человека до раздробленного состояния сознания. А некоторые из современных средств коммуникации претендуют едва ли не на социально онтологическое значение. Так, реклама в настоящее время выступает не просто в качестве средства для продвижения товара, но в качестве законодательницы образа жизни.

Такой род коммуникации начинает определять поведение людей, и в особенности, что настораживает, молодежи. Клиповая коммуникация фактически работает на размывание культурной традиции, которая опиралась на целостные смыслы и корневые отношения, сохраняя и транслируя их через эпохи. Жизнь современного человека осложнена всевозможными технологиями, которые порождают эффект гула коммуникации. Такой род коммуникации фактически работает на размывание культурной традиции, которая опиралась на целостные смыслы и корневые отношения, сохраняя и транслируя их через эпохи. Как выжить при этом, когда так, казалось бы, много коммуникации, но, в действительности, скорее шум, когда возникает эффект говорения всех вместе, но друг друга не слышат? Люди не замечают, как стали жить в мире симуляции и виртуальности, где главенствуют подрезанные смыслы и тела. Но необходимость в целостных смыслах неисчерпаема, ибо они дают полноценное пребывание в мире и потому современные люди не перестают испытывать интерес к духовным практикам и ищут спасения изнутри себя.

Социальный аспект смысла заключается как раз в его изначальной предпосланности, которая задается не просто языком или всей знаково-коммуникативной системой общества: мифы, символы, нарративы, дискурсы, тексты и интертексты, но, как мы полагаем, также и действием всех практик и техник. Смысл предпосылается обществом, и он же конституируется в сети тех отношений, которым повелительно предшествует. Практики и техники в обществе наличествуют не в качестве структур, а в качестве рекурсивных процессов, способствующих трансляции значимых культурных смыслов для общества. Смысл всегда по определению совместен. Совместность уже подразумевает отчетливое разделение смысла, в результате которого зарождается со-общество. Русские мыслители выражали это через идею первичности соборности. Нарушать смыслы равносильно нарушению социальных отношений.

Между тем в противоположность корневым смыслам стали превалировать ризоматические смыслы и формы отношений. Ризома, по Ж. Делёзу и Ф. Гваттари, – структура, которая существует без корня как перекасти-поле в свободном пространстве пустыни. Современному человеку приходится жить в ситуации, которую З. Бауман называет «от паломника к туристу». Вместо движения в область духовного, когда, совершая усилия, люди двигались к священным местам, чтобы подвергнуть себя духовной трансформации, теперь они устремляются к ним по преимуществу ради поверхностных впечатлений, чтобы полюбоваться на них, становясь коллекционерами удовольствий. Отсюда превалирование не подлинных отношений, которые от людей требуют не духовных усилий, а игровых.

Игра способствует реализации телесной энергии людей, а также благоприятствует освоению социальных форм проживания, но в настоящее же время нам приходится иметь дело – не без посредства телекоммуникаций и увлечения компьютерными играми – с погружением в виртуальное пространство игры-розыгрыша, в которой эффективным и нормальным является разыгрывание другого. Ныне игра продолжает выполнять свои традиционные социальные функции, но все больше принимая форму розыгрыша, симуляции или игрового представления. Современный человек

живет в условиях общества спектакля. Спектакль становится мировоззрением, а общество – социально организованной видимостью. Желание зрелища стала пронизывать различные виды человеческой деятельности, превращая их в таковые.

Создалась атмосфера, в которой люди стали предпочитать «поиграться» в разных сферах человеческой деятельности. Это имеет место, например, в Интернете, где различные сайты предлагают людям возможность завести себе множество друзей, но не реальных, а виртуальных. Одновременно с этим в потребительском обществе перестали воплощаться типичные гендерные роли. Привычная бинарная оппозиция мужское/женское, активное/пассивное и т.п. подверглись деформации. Большинство мужчин и женщин, объединены сегодня, как З. Бауман, скорее, благодаря оболочению, а не администрированию; рекламе, а не индоктринации. Люди оказываются вовлеченными в игру, где преобладающее значение играют чувственные удовольствия

Женщины все больше стали претендовать на профессиональное призвание и партнерские отношения как в деловой, так и в сексуальной сферах. Э. Гидденс констатирует факт сексуального равенства, который способствовал появлению господствующего положения эротизма в обществе. Отношения между мужчиной и женщиной в обществе стали видеться в свете эротики, а не любви и семьи. В любви человек отзывается во всей своей жизненной полноте, в которой он способен осуществляться к лучшему. Но любовь требует от человека усилий. Прагматически настроенные люди современности зачастую не хотят тратить на неё ни сил, ни времени. Между тем в эротизме идет поверхностное схватывание человека. Данное обстоятельство таит в себе опасность для экзистенциальной территории первейшей значимости, которая служит, с одной стороны, социальному воспроизводству, а, с другой, воспроизводству человека в качестве собственно человека. Речь идет о семье, которая подвергается разрушению.

Во всем мире происходит распад семьи. Внебрачные дети, которые раньше были стыдным явлением, теперь составляют половину всех детей. Сейчас человечество от роста населения, который был миллионы лет, переходит к другому режиму существования – к постоянным величинам населения. К другим распределениям внутри возрастных категорий. Будет больше стариков. Продолжительность жизни в России вырастет лет до восьмидесяти.

Изменения в социальных коммуникациях в широком веере социальных связей и взаимодействий привели к порождению симуляционного и виртуального пространства. Если раньше в повседневной и духовной коммуникации играли роль знаково-символические структуры, которые отражали действительность, размечавшие людям поле действий в социальной реальности, то сейчас мы видим господство знаков, которые утрачивают связь с реальностью. Это – с одной стороны. Но с другой стороны, имеет место требование самого процесса социального воспроизводства, где без процессов копирования или повторения обойтись невозможно. К тому же наше отдельное существование в совместности обнаруживается на границе с другим, в которой мы являемся наследниками (и исследователями), где мы как наследники оказываемся в рамках онтологии «следа». В самом деле, иметь место, в совместности, а тем более в сетевом обществе, невозможно во всей полноте, а можно только в виде «следа», как справедливо полагал Ж. Деррида. Люди невольно находятся во власти повторения или, можно сказать, во власти симулякра как копии копии. А повторение – это и попытка упорядочить наш мир, наделяя его смыслом, и стремление его воспроизвести. И мы, как существа, продуцирующие и воспроизводящие смыслы, попадаем во власть этой повторяемости

Но можно ли отказаться от этого повторения и начать «с чистого листа»? Социальность благодаря электронным технологиям еще больше подхлестывает механизмы копирования и копирования копирования, то есть симуляционные процессы. Симулякры оказываются встроенными в символическое пространство социальности, обслуживая его воспроизводство. И поэтому получается, что невозможно обойтись без повторения, а, следовательно, без симуляционного процесса. Но именно это обстоятельство ставит нас в довольно двусмысленную ситуацию, когда нам приходится гадать о том, как мы существуем: по-настоящему или лишь имитируя какое-то отношение. Нам приходится наблюдать такие коммуникативные потоки и такие социальные коды, которые оказываются замкнутыми на самих себя. Повсеместно наращивается циркуляция бессодержательной коммуникации, имитация тех или иных связей и отношений. Особенно в этом преуспела рекламная форма сообщений

В чем опасность этого явления? Долгое время нам приходилось существовать в условиях такого знаково-символического режима, где отчетливо была представлена оппозиция реальное/нереальное или сюрреальное, теперь же нам приходится строить коммуникацию в оппозиции виртуальное/актуальное, где связь с реальностью утрачивается и людям зачастую приходится довольствоваться суррогатами отношений.

В этих условиях обостряется проблема управления. Ю. Хабермас подчеркивал, что возрастающая сложность общественной системы требовала постоянного усиления роли управления. «Это имело своим последствием, с одной стороны, интенсификацию и расширение сети коммуникаций, а в конечном итоге и образование мирового общества, которое опосредовало в единой глобально объединяющей информационной взаимосвязи локальное историческое сознание и культурные особенности развития в том или ином месте. С другой стороны, в силу растущей потребности в управлении компетенция планирования сосредотачивается в государственном аппарате, который подчинен императивам хозяйственной системы и все содержание конфликтов должен переводить в административно обрабатываемую форму»¹.

Нам представляется, что мировой кризис в современности, который по преимуществу подают как кризис экономический, в действительности является «сбоем» системы управления. Здесь даже не приходится говорить о «кризисе» как о временном явлении, после которого произойдет возвращение к старому состоянию. Так называемый «кризис» – это в действительности граница перехода в иную реальность. Модель социального развития, которая была инициирована либеральной экономикой и которая породила потребительское общество, перестала срабатывать. Фактически она суживала человека до материальных потребностей. Значимым в человеке стало считаться то, что хорошо продаваемо. «Кризис» показал, что данная модель развития себя исчерпала и завершена. Необходимо понимать, что процесс смены путей развития входит в компетенцию управления, которое требует от власти самореформирования.

Использование современных технологий стало все более усложнять и ускорять социальные различия, так что стало затруднительно формировать новые структуры взаимодействия. Стратегия на инновации, из соображений экономии сил и времени, вызвала к жизни возрождение традиционных форм отношений (например, ритуальные). При этом в ходу оказались как псевдо традиционные (неозычские), так и традиционные формы. В связи с этим встает вопрос о том, как относиться к традициям как форме прошлого, насколько возможен их ренессанс? М. Хайдеггер

¹ Хабермас Ю. О субъекте истории. Краткие замечания по поводу ложных альтернатив // Философия истории: Антология. – М.: Аспект Пресс, 1995. – С. 284.

показал, что мы все являемся своим прошлым, но таким, которое оказывается отозванным из будущего. Традиционные формы не могут быть вызваны во всем своем объеме, но должны, по-видимому, быть приложены к современным условиям социального бытия.

Мы видим, например, что духовные практики стали перерождаться в психотехники, и во многих случаях служить средством «терапевтического» воздействия на людей современности, оказавшихся захваченными бесчеловечными потоками и ритмами жизни, рассеивающими человека и запускаящими его в растрату. Люди оказались захваченными заболеваниями как тела, так и души. Далее мы дадим расширенное понимание болезни, которое окажется вполне применимо для описания как физической, так социальной патологии.

И действительно, болезнь – это прежде всего недуг духа, а не тела. Об этом говорили с древнейших времен самые различные духовные практики, заложив некую первичную матрицу для понимания сути заболевания для последующих эпох. В христианстве об этом писали Святые Отцы. Преп. Серафим Саровский говорил: «Здоровье есть дар Божий, но не всегда бывает полезен этот дар: как и всякое страдание, болезнь имеет силу очищать нас от душевной скверны, заглаживать грехи, смирить и смягчить нашу душу, заставлять одуматься, сознавать свою немощь и вспоминать о Боге. Поэтому болезни нужны и нам и нашим детям»².

Свами Шивананда, опираясь на древнюю традицию йоги, пишет, о том, что все хронические, длительные и функциональные болезни и расстройства неизбежно проистекают из нарушений, происходящих в механизме работы тканей и органов. «Болезнь – это результат нарушения законов природы. Природа хочет, чтобы все были сильными и здоровыми. Если вы слабы, это указывает на то, что ваши органы или различные клетки вашего тела функционируют неправильно»³. Единственный правильный способ лечения тот, который исходит из первопричины заболевания и направляет все силы на восстановление нормальной работы всей системы. «Природа выполняет всю работу сама. Лекарства только помогают природе в её восстановительной, регенерирующей работе»⁴.

Первичными причинами заболеваний, по Шивананде, могут являться плохие мысли, и если эти причины разрушить, то все болезни тела исчезают. Психические заболевания зачастую вызываются возбуждениями. Необходимо избегать возбуждений, ибо, когда тело возбуждено, тогда вещи воспринимаются в искаженном свете и прана (энергия), наполняющая наше тело, подвергается искажению и начинает неравномерно проистекать по всему нашему телу. Таким образом, заключает Шивананда, по причине болезни духа возникают болезни тела. Отсюда и его отношение к целительной силе чтения мантр, которые являются фактически, если сказать коротко, символическим способом саморегуляции человеческого тела, подобно тому, как действует молитва в христианской традиции.

Говоря топологически, болезнь или патология случаются на переходе в состоянии от Собственного к Другому. Переход – это состояние предела или передела, излома прежнего состояния. Заболевание – это нахождение на излучине, в разлуке со своим телом, которое претерпевает преувеличенное воздействие Другим. Чтобы удержаться в себе, наше тело при-творяется больным, симулируя и артикулируя те или иные свои с Другим состояния. Но что значит при-творяться, как ни творить что-то

² Цит. по: Православный лечебник. – Владимир: Храм Казанской Иконы Божией Матери, 2007. – С. 106.

³ Шивананда Свами. Домашняя йога. Облегченный курс физической культуры для современных мужчин и женщин. – Киев: Ника – Центр, 2003. – С. 62.

⁴ Там же.

в со-бытии перехода или передела! Тело испытывает боль уже в напряжениях с Другим (быть с Другим уже больно, поскольку оно другое), но возникает за-болевание (то есть восхождение «за» боль), когда какое-то Другое преувеличено пребывает с моим Собственным, подавляя органы или энергетические каналы. И тогда зачастую мысли покидают меня, превращаясь в бредовые. «Бредовые мысли» – это мысли, которые бредут сами по себе и мы не в состоянии их проконтролировать. Мыслям свойственно бродить и за-ходить за территорию границ своего тела, особенно под воздействием Другого. И они бродят без затейливо у каждого из нас и зачастую за-ходят слишком далеко.

Духовные практики во все времена способствовали оздоровлению людей, ибо они несли в себе способность систематически перестраивать восприятия и со-стояния своего тела, менять его со-знание, тем самым делая его «здоровым», продвигая его от отрицательных состояний к положительным, а точнее продвигая его к сбалансированному их состоянию. В настоящее время эту функцию во многом стали брать на себя психотехники. Они благотворно воздействуют на состояние «совместности» в теле, представляющее собой подвижное конфигурирование ее составляющих элементов. Когда же возникает остановка, застой, зажим, то порождается боль как признак заболевания. Боль выступает в качестве проявления того, что произошло обездвижение энергии в каких-то местах телесной совместности, элементы которой могут существовать только во взаимном движении друг по отношению к другу, как реализация и осуществления энергии тела. Понимание энергии в разных духовных практиках обнаруживает определенное сходство. Само понимание понятия энергии восходит к Аристотелю.

По Аристотелю, энергия это – актуализация потенций сущего – это именно сам процесс, движение, деятельность актуализации, а не её результат. Христианство сохраняет Аристотелево понимание этого понятия. Ср., напр., у св. Иоанна Дамаскина: «Энергия же есть движение деятельное. Деятельным же называется то, что движется по собственному побуждению». «Но, прилагаясь к тварному бытию, – замечает С. Хоружий, – каким его видела аскетика, понятие существенно перерабатывается, дополняется. Прежде всего, аскетическая практика находила в человеке постоянно меняющуюся множественность, стихию дробности и изменчивости... тварное бытие в Православии характеризуют не столько энергией, сколько различными энергиями, множество которых, к тому же, непрерывно меняется. Итак, энергия – первый импульс и актуальный почин движения; и тварь всегда обладает целым множеством разнородных и разнонаправленных энергий»⁵. В соответствии с классической дихотомией человеческого состава, различаются энергии телесные и душевные. К сходному понятию, замечает С.С. Хоружий, и тоже на базе аскетики, приходит и индийская мысль. Так определяется дхарма в философии классической йоги: «Дхарма, или качественная определенность, есть не что иное как способность [буквально, “энергия” – прим. перев.] носителя-субстрата, ограниченная конкретной областью применения».

Каждая дхарма – энергия и одновременно – качественная определенность, оказанность определенным направлением и применением, а множество дхарм характеризуется изменчивостью и подвижностью. Согласно Хоружему, сближение с представлением об «отдельной энергии» в исихастской аскезе естественно, поскольку оба понятия произошли из опыта пристального наблюдения человека, сознания и действия.

В какой-то момент, а именно в 90-е годы, в нашей стране стал популярен Кастанеда, случилось это тогда, когда потребовался активный способ поведения. В книге

⁵ Хоружий С.С. К феноменологии аскезы. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. – С. 350.

«Путешествие в Икстлан» порицается определенное постоянство, жесткий распорядок в поведении, делающий человека костным и уязвимым, и предлагается «неожиданное поведение». Хороший «охотник» не просто знает распорядок своей жертвы, но он сам не подчиняется никакому распорядку. В этом его преимущество. Он совсем не таков как те животные, за которыми он охотится, закабаленные прочным распорядком и предсказуемыми поворотами. Он свободен, текуч, непредсказуем. Большинство же людей ведут себя так же, как и та жертва, за которой он гонится. Это делает людей жертвой чего-нибудь или кого-нибудь. Отсюда цель «охотника», который знает все это, состоит в том, чтобы перестать самому быть жертвой.

Следовательно, необходимо практиковать тип действий, нарушающих стереотипы поведения. Быть жертвой не продуктивно, но и охотником быть зачастую затратно. Всё больше встаёт вопрос о не агрессивных практиках. Речь идет о духовно-телесных практиках йоги, буддизма, православного исихазма, которые восстают против предзаданных схем и вместе с тем, помогают гармонично строить отношение с миром. Чтобы выскользнуть из ловушек коммуникации нужно не повторять путь жертвы, но и не становиться охотником. Духовно-телесные практики йоги или православного исихазма, позволяют гармонично строить отношения с миром. Ибо чем мягче и искренне, тем тверже, ведь тупики возникают для тех, кто рассчитывает и просчитывает, а в результате просчитывается. А искренность и доверчивость для тех, кто не выгадывает, а по-настоящему в настоящем живет с открытым сердцем.

В духовных практиках различных культурных традиций содержались различные телесные техники, дающие инструменты работы с энергиями, способствующие преодолению застойных процессов в теле. В телесной совместности при посредстве практик запускается механизм по самоорганизации энергий. В практиках предполагалась направленность внимание на эти участки тела с переходом к совершению движений, высвобождающих подавленные состояния в отношении друг друга (то есть застойные, как лишённые правильных и направленных движений и самодвижений во взаимодействующих элементах совместностях). В йоге, например, предполагались различные движения тела в асанах и дыхании, равно как и задержки дыхания, хотя зачастую йога в современности стала превращаться в едва ли не в оздоровительную гимнастику.

Известны техники молчания, предполагавшие, например, в христианстве в молитве молчания бытие-в-месте с Богом⁶. Молчание возвращает человека к телесности в тот самый момент, когда он начинает говорить и, вообще, что-то творить из молчания. Что дается с известным усилием по преодолению появляющихся при этом отвлекающих мыслей и дел, но возводящее к просвету, когда человек замолкает, и Бог начинает мягко и медленно светиться в сознании человека. Одновременно с этим в безмолвии (исихии) происходит встреча человека с самим собой. Это особое состояние, которое может помочь современному человеку противостоять информационному буму и гулу коммуникации. Этот процесс предполагает возвращение в пространство изначальной тишины, молчания и гармонии.

С давних времен в некоторых традиционных культурах известны также техники смеха. В современности они возрождаются в различных направлениях: йога-смех индийского врача Мадан Катарья или техника смеха Ошо. Ибо смех включает действия тела, оживляет его, снимает напряжение, стимулирует внутренние органы, высвобождая действия энергии. Но смех двояк: он может возникать и в желании уйти от решения проблем. Но как позитивное действие смех размыкает закрытую в складках тела энергию. И очень важно ее направить в нужное русло, в нужное

⁶ Игумен Евмений (Перистый) проводит трехдневные тренинги с молитвой молчания по двадцать минут.

состояние, так, чтобы запустилось движение по самореализации совместности нашего организма или в совмещении в отношениях с другим. Юмор и смех способны снимать зажимы и заслоны, задаваемые зачастую самим же сознанием (сознание действует как критический фильтр, блокируя ненужную для человека информацию, сберегая тем самым нашу энергию, но одновременно с этим оно может стать источником запретов-зажимов). Очень важно, чтобы юмор служил сбалансированному конфигурированию совместности. Смех способствует преодолению страдания, то есть растеканию тела (страдание от санскр. «сра» – растекание) и служит его оживляющему пересобиранию.

Разумеется, психотехники не могут заменить собою духовные практики, поскольку последние в полном экзистенциальном объеме позволяют человеку быть собой – а это значит не только следовать о-существленностям себя, но и размыкать границы существующего положения вещей. И тем самым способствовать осуществлению смысла своего бытия и других. Но благотворное воздействия психотехник можно наблюдать. Хотя в некоторых случаях современные психотехники делают упор на личностном росте, индивидуалистской идеологии. Но не оборачивается ли это утопией для того способа существования людей, где оказываются жизнеспособными лишь модели совместного взаимодействия? Нельзя преувеличивать значение методик личного роста, которые, с одной стороны, выжимают все из тренируемых людей, а, с другой стороны, для самих тренеров служат их личному обогащению.

Арабская притча говорит о том, как отец, находясь на смертном ложе, собирает троих своих сыновей, чтобы разделить между ними свое богатство, накопленное за всю жизнь в виде семнадцати верблюдов. Старшему сыну он говорит, что тот получит половину этих верблюдов, среднему сын – третью часть, а младшему сыну – девятую часть. Отец умирает, а сыновья долгое время никак не могут решить задачу о том, как поделить верблюдов, поскольку их нечетное число. Они обращались за советом к математикам и другим ученым людям, но те могли им помочь. И однажды они повстречали старого мудреца и обратились к нему за помощью. Тот сказал, что затрудняется с решением, но у него есть один верблюд и он готов им его отдать. И благодаря этому верблюда у них стало восемнадцать верблюдов, что давало возможность прекрасно поделить их между сыновьями. Старший получил половину, то есть девять, средний – треть, то есть шесть, а младший – девятую часть, то есть два. В результате получилось поделить верблюдов семнадцать верблюдов как и завещал отец ($9 + 6 + 2 = 17$). Остался один верблюд старого мудреца, на которого он сел и уехал. Таким образом, притча говорит о том, что решение проблемы возможно лишь при наличии кого-то другого, то есть в совместности, а не в одиночку. Но другой нужен на время решения проблемы и таков топос учителя, психолога или тренера.

От духовности к политике

Социальный мир порождается и воспроизводится благодаря тому, что в обществе действуют социальные практики. Нельзя как-то, по-особенному, выделять, в качестве ведущей, какую-то одну, все практики равно значимы. С самых древних времен, например, духовная практика способствовала внутренней трансформации человека, без чего невозможно формирование личности. В ходе духовной практики происходило формирование целостного человека в единстве тела, души и духа, посредством чего он получал науку выживания. Вседуховные практики, включая и философию (Ш. Адо), главной причиной страдания отмечали страсти человеческие. Они давали технику мобилизации энергии и разрядки, умственной концентрации и отказ от чувственных излишеств. Духовные практики именно формировали

человека, а не просто информировали как это имеет место в современной образовательной системе.

В центре нашей концепции лежит тезис о том, что в ходе каждой социальной практики возникает со-общение, которое способствует при-общению людей к определенному со-обществу с определенными представлениями и ценностями. Уже используемая нами терминология свидетельствует о том, что в центре этих процессов лежит коммуникация. А современная философия – это именно философия практики и коммуникации (Ж. Делез), в отличие от философии античной, где она была созерцательной, и Нововременной, где она, по преимуществу, была рефлексивной. Коммуникация, то есть взаимодействия людей опосредованные знаками, символами и текстами – это те структуры, которые сохраняют и передают значимое содержание для людей, включая и систему ценностей. Но передача ценного для людей происходит не только посредством различных знаковых структур, но и благодаря телесным отношениям, недаром в культурных традициях было сформировано представление о духовном теле. В русской философии понятие «духовного тела» получила достаточно последовательную содержательную разработку.

А.Ф. Лосев отмечал: «Если отвлечься от частных и попытаться выделить главную идею философии Соловьева, то это будет, пожалуй, идея о *духовной телесности*. Из этой идеи можно вывести все остальные основные идеи Соловьева, среди которых наиболее выдающиеся – идея Всеединства и Богочеловечества, идея преображения тела и духа и идея Церкви как Тела Христова»⁷. Реальные материя и тело утратили святость Мировой души, но сохранили элементы Всеединства, и поэтому для человека есть сущностная потребность в аскезе, которая способствует возвышению духа за счет тела, через воскресение, освящение и усмирение тела. Идеи сами по себе бестелесны и безжизненны, а плоть и материя – грешны и бессмысленны. Все живое в природе нуждается в воскресении, восстановлении и преображении. Этим преображением, по Соловьеву, должно явиться полное одухотворение материи и полная материализация идеи. Уже в нашем мире постепенно происходит этот процесс. В процессе эволюции в неорганическом мире уже произошло преображение темного и саморазлагающегося вещества, например, угля в алмаз (хотя они одинаковы по химическому составу). То же самое можно наблюдать и в органическом, и человеческом мире: постепенное изменение материи – например, в переходе от темных серых облаков к безоблачному голубому дню с его светилом, сверкающем символом Всеединства, от отвратительной слизи первичных организмов – к красоте женского тела. В конце всего должно совершиться полное и окончательное воссоединение злого и разорванного бытия: воскресение мертвых, воскресение плоти и освящение всего мира.

П. Флоренский при объяснении процесса порождения культуры также исходил из тела и предлагает концепцию органопроекции. Фактически он показывает рождение «духовного» тела культуры. Культурно-историческая концепция Флоренского, сформировавшаяся в рамках православной парадигматики, предполагает отрицание культуры, как единого во времени и в пространстве процесса, с вытекающим отсюда отрицанием эволюции и прогресса культуры. Существование отдельных культур, по Флоренскому, подчиненно ритму сменяющих друг друга типов культуры – средневековой и возрожденческой. Первый тип характеризуется органичностью, объективностью, конкретностью, самособранностью, а второй – раздробленностью, субъективностью, отвлеченностью и поверхностностью. Свое собственное

⁷ Лосев А.Ф. Русская философия // Лосев А.Ф. Страсть к диалектике. Литературные размышления философа. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 91.

мировоззрение Флоренский считает соответствующим по складу стилю XIV–XV вв. русского средневековья. Основным законом мира он считает второй принцип термодинамики – закон энтропии, взятый расширительно, как закон Хаоса во всех областях мироздания. Миру противостоит Логос – начало эктропии как противоположное энтропии изменение в сторону упорядочения, большей организованности и сложности. Культура есть сознательная борьба с мировым уравниванием: культура состоит в изоляции, как задержке уравнивательного процесса вселенной, и в повышении разности жизни, в противоположность равенству – смерти.

Ренессансовая культура Европы, согласно Флоренскому, закончила свое существование к началу XX в., и с первых годов нового столетия можно наблюдать по всем линиям культуры первые признаки культуры иного типа. Но, похоже, что до прихода ценностей средневековой культуры еще далеко, а ведь дальнейшее существование людей в современности без духовных ценностей представляется проблематичным. Концепция телесности и совместности Л. Карсавина позволяет отчетливо видеть насколько взаимосвязаны, взаимослиянны и взаимозависимы все субъекты мира, и какой, стало быть, равноценностью обладают все культуры и эпохи.

Западно-европейская культурная традиция в общем плане знает четыре системы ценностей: греческую, христианскую, нововременную (либеральную) и современные, которые еще формируются в условиях решительного сближения культур под действием новых технологий. Порождение социального пространства опосредуется наличием определенных практик и телесных техник. Тем или иным практикам сопутствуют всегда определенные телесные техники, где первые служат всему производству и воспроизводству социального мира, а вторые – предполагают особые способы владения тела в каждой отдельной практике. Каждой культурной эпохе европейской цивилизации присущи свои господствующие формы практик и телесных техник. В античности в сообществе воинов в качестве таковых техник преобладали гимнастика, диететика и аскетика. Обществу воинов соответствовали ценности – солидарность, ответственность, доблесть.

В Средневековом христианстве ведущей практикой являлась духовная с соответствующими ей телесными техниками воздержания и молитвы, и исповедует ценности веры, надежды и любви. В Новое время в связи с ростом ремесел и торговли жизнь европейцев заново перемещается в основном в города. Здесь происходит формирование производственного тела и ведущими являются соответствующие техники. Им соответствуют ценности свободы, равенства и братства. В современности происходит смешение различных практик и, соответственно, различных техник. И потому можно наблюдать и процесс воспроизводства ценностей прежних эпох и частичный отказ от них.

Современность характеризуется главенствующим положением информации и всевозможных коммуникативных потоков в социальности. В современности начинает превалировать политико-коммуникативная прагматика. Социальное пространство-время в современности являет собой подвижное и множественное поле взаимодействия агентов социальности, принадлежащих к различным практикам и техникам, где их поведение стало носить принципиально нелинейный характер. Политика, а не этика по преимуществу, стала определять отношения людей. Главенствующими в отношениях стали конкуренция, борьба и состязательность. Этическая проблематика оказалась на периферии в современности. Деловая коммуникация подмяла под себя этику коммуникации. Соображения деловитости предписывают действовать, используя специфические техники, зачастую полагаясь на обман и уловки.

Например, техника *Шифтинг* – известная в мире техника подачи своего предложения. В переговорах, если хорошее предложение подается *за* несколькими плохими и *явно* выигрывает в сравнении, это техника Шифтинг (смена). Чтобы настоящему захотели купить, например, хороший дом, а не капризничали и просили «показать еще», есть такая уловка. Она дает возможность выбора, но зато сразу понятно, *что* лучше выбрать. Шифтинг позволяет показать в выигрышном свете хорошие предложения и при этом ускорить процесс принятия решения. Представим, что мы предложили хороший вариант сразу. Люди часто просят показать еще и еще варианты, а потом просят вернуться к хорошему, который был чуть ли не первым. При этом они полны сомнений и недовольны. Им кажется, что неправильно покупать первое предложение. То есть уловка совершается на игре психологии людей.

Прием *Коломбо*. Во время переговоров, когда уже все завершено, обе стороны, казалось, принимают договоренность, расслабились. Вдруг одна из сторон просит последнюю уступку. Небольшую. Да ладно, вот это и ... «я подписываю». Казалось бы малость, но очень часто вторая сторона, в мыслях уже завершившая переговоры и не готовая их начинать сначала – она, вторая сторона, **сдается**. В самый последний момент опытный переговорщик получает еще одну выгоду, выхватывает **уступку**. Иногда небольшую. А бывает только на первый взгляд небольшую, а на самом деле весьма и весьма важную. В эмоциях и на скорости так трудно оценить вес уступки. А тот, кто использовал «Коломбо» давно все просчитал, взвесил, знает его реальную ценность.

Жизненно важный вопрос для переговорщика: как сделать так, чтобы мой переговорный шаг был медленней, чем шаг его оппонента? Чтобы он скидывал и скидывал, а сам переговорщик – минимально, и только в крайнем случае. Для этого используется *Кранч* (от англ. «разламывать, расщеплять») – переговорные рычаги понижения цены *без* встречных предложений. Мы даем понять, что эта цифра или условие нас не устраивает, но сами предложения не делаем, ждем уступок от второго лица, поощряем его двигаться к нам, воздействуем на него. Кранч не обращает внимание на цифру, он воздействует на собеседника. Бывают три вида кранча. Логический кранч подразумевает обсуждение и обоснование («Цен таких и нет уже на рынке», «Это звучит очень невыгодно», «Давайте не выходить за рамки бюджета» и др.), пусть оппонент пооправдывается. Психологический кранч смущает собеседника («Вы шутите?», «Не пугайте меня так!», «Вы хотите лишить меня работы?» и др.), делает его менее уверенным, а значит уступчивым. Эмоциональный кранч – нейтральное реагирование, сообщает о вашем впечатлении («Сколько?», «Ох», «Вау», молчание-пауза и др.), собеседник попытается «расшифровать» нашу реакцию, будет реагировать и; как на логический, или как на психологический кранч. Что выявит его слабые места. «*Переговорная волна*» – техника, когда оппонента то поощряют, то отталкивают, то дают надежду, то критикуют – это техника, состоящая из определенных этапов.

Ощущая нехватку в этике, наше общество стало вводить в школу уроки по светской этике⁸. Однако главенствующими в них при этом в эпоху прагматизма оказались рациональные предписания философов, например, Аристотеля. Согласно мыслителю, добродетель находится в середине между двумя пороками: избытком и недостатком. Необходимость, например, в щедрости, он объясняет тем, что щедрость – середина между расточительством и скупостью. Детям предлагается стать разумными эгоистами, рационально выбирающими между альтруизмом и эгоизмом, опять-таки следуя аристотелевским предписаниям.

⁸ См.: Основы светской этики. 4–5 классы. Учебное пособие для общеобразовательных учреждений. – М.: «Просвещение», 2010.

То есть нашим детям предлагают строить отношения, руководствуясь исключительно рациональными соображениями, вычисляя золотую середину. И в какой-то мере присутствие здравого смысла действительно не повредит. Но становится непонятным, почему для русских оказываются в забвении содержание христианской культуры и цивилизации. В современности фактически действуют три отмеченных выше коммуникативных прагматики: традиционная, научная и политическая, но при господстве последней и зачастую беспринципной, игнорирующей этическую христианскую составляющую. Происходит рассеивание ценностей веры, надежды и любви. Доводы рассудка берут верх над доводами сердца. Создается впечатление, что порождается тип совершенно бессердечных деловых людей, как если бы успешность деяний зависело бы только от рассудочных действий людей.

Ныне в усложненном социальном коммуникативном котле, как полагают некоторые социальные ученые, начинает формироваться новая идеализированная триада, синтезирующих ценностей – Понимание, Доверие и Мир, обращенные ко всем Другим. Кризис цивилизации и парадокс ценностного отношения требуют радикального переосмысления как индивидуальных, так и родовых установок на будущее. На индивидуальном уровне такой установкой уже сейчас становится «смысл», предполагающий понимание всякой инаковости, на родовом – «Всемирность», которая в состоянии стать основой всеобщего поведения людей, исключающего разделение на «своих» и «чужих», «союзников» и «врагов».

Тела людей, как социальные тела, стали подвергаться расщеплению. По Бодрийяру, современность имеет дело с четырьмя моделями тела. По его мнению, базовой формой тела для медицины является «труп». Труп – это предельный случай тела для сообщества медиков. Для религии опорным понятием тела является «зверь», с его инстинктами и вожделениями «плоти». Для системы политической экономии идеальным типом тела, по Бодрийяру, является «робот». Он – совершенная модель функционального «освобождения» тела как рабочей силы, экстраполяция абсолютной и бесполой рациональной производительности. Для системы политической экономии знака базовой моделью тела является «манекен». В манекене производится уже не рабочая сила, а модель «знаковой» ценности, и не просто сексуальные модели исполнения желаний, но и «сексуальность» как модель. Труп, зверь, машина или манекен – таковы негативные идеальные типы тела, которые вырабатываются и запечатлеваются в сменяющих друг друга системах.

Хотя возможно, что медикам нужно скорее не мертвое, а принципиально «больное» тело, то есть такое тело, которое требует сообщества медиков, способных его оздоровить. Причем, оздоровить настолько, чтобы превратить его затем в «робота», из которого в свою очередь государство будет стремиться выкачивать еще больше энергии. Тело зверя производится вовсе не со стороны Церкви, а со стороны молодежи. В молодежной среде в настоящее время мы видим производство таких ценностей как иерархия, насилие, экспансия, ненависть, прагматика. Социальные связи начинают строиться на принципах личной зависимости, а не на компетенции специалистов.

Напротив, Церковь зачастую становится местом, возвращающим людей к непреходящим ценностям веры, надежды и любви. В условиях вовлеченности разных культур в один котел коммуникации, могут ли выдвигаться ценности, которые идут исключительно из этого событийного котла в отрыве от своей культурной традиции, и, стало быть, в отрыве от христианских ценностей? В этом смысле встает серьезный вопрос: как противостоять подобным позициям? Пропагандистски заявлять приоритет каких-то ценностей или все-таки вдумчиво объяснять, той же молодежи,

что ценность, например, денег преходяща и вообще губительна? Но почему, именно? Ведь сами деньги исторически возникали, как мера товара, как мера какой-то стоимости того, что чего-то стоит в этой жизни и что обладает, стало быть, какой-то ценою и ценностью, либо деньги выступали в качестве меры обмена. В современности деньги стали утрачивать в виртуальной социально-экономической среде свое первоначальное значение. Фактически, деньги стали, не много не мало, единственной формой регистрации интенсивности желания. Зачастую молодежь говорит о том, что в деньгах они видят только средство достижения своих целей. Но деньги, за которыми лежат желания, опасны тем, что желания по своей природе бесконечны.

Желание жаждет еще большего желания. И это закабляет людей, лишая их свободы. Поэтому, представляется, что нужно систематически объяснять значимость тех или иных ценностей на собственной основе, показывая действительную конечность мнимых ценностей, деконструируя те основания, на которых они существуют. Исследования ученых показали, как зависит состояние души от материального достатка. Сначала рост радости зависит от роста благополучия (до тысячи долларов в месяц на человека), а дальше чаще всего люди становятся озабоченными и несчастными. Ибо важным является возможность человека решать насущные жизненные проблемы. При этом люди должны различать понятия удовольствие и удовлетворение. Удовольствие связано с реализацией физиологических функций, а вот удовлетворение является ментальной категорией и связано со всем человеческим бытием. Последнее достижимо, когда человек понимает, что он сделал что-то значимое, чем может гордиться: сделал что-то для людей, построил дом, сделал подарок, т.е. осуществил дар. Но все это требует от человека усилий во времени, действительных затрат его энергии.

Смысл человеческого счастья заключается в том, чтобы, как говорили на Востоке, найти свой путь и идти по нему. То есть определиться со своими наклонностями и способностями. Определяется это по состоянию «бурного потока», когда человека как бы несёт от какого-то дела, и он настолько оказывается им увлечен, что забывает при этом обо всем. Итак, нужно жить здесь и теперь, но при этом иметь большую и светлую цель как путеводную звезду; стремиться найти себя и реализовываться; нужно жить в любви в широком смысле этого слова (в восточной мудрости говорилось, что день, прожитый без улыбки и любви, прошел зря), то есть нужно, чтобы это чувство активно присутствовало в душе и деяниях человека.

В социальных науках, начиная с XIX века, принято отличать сообщество от общества. В современности наблюдается, как органическая связь между людьми, которая соответствовала сообществу, стала всё больше заменяться связями по интересам, что характеризовало общество. В современности мы наблюдаем процессы индивидуализации, плюрализации и глобализации, которые ставят под сомнение воспроизводство органической группы как сообщества, поведение и единство которой определялось традиционными ценностями. В настоящее время продуцируются, в большинстве своем, не «сообщества», а скорее группы «сообщников», единство которых держится зачастую на кратковременных связях и ценностях, которые они производят изнутри группы. Люди, поставившие себя в отношения «сообщников», оказываются в двойственном положении: они могут выбирать, какой модели отношений им следовать, то ли опираясь на традицию, то ли на самих себя и на своих немногочисленных сообщников. Данная двойственность проблематизирует существование человека, побуждая его к постоянному усилию по конструированию отношений с другим. Есть «сообщники» ориентированные на разрушение, а есть — на созидание. Примером последнего типа «сообщников» может служить интернет-

сообщество, которое именуют еще «множеством», причем таким, что оно отличимо от неорганизованной толпы или массы. Логика действия «сообщников» не предполагает иерархии и центра и поэтому голосом обладает каждый из его членов. И при этом они оказываются способными к направленным действиям и, в отличие от толпы, могут составлять определенную социальную силу, способную противостоять «центру» и тоталитаризму. Недавние события на Болотной площади после президентских выборов красноречиво это показали.

Трансгрессивность современности

Человек в современности стал жить в условиях, когда избыток нереализуемой энергии стал приводить к социальной патологии. Ранее мы уже писали о том, что заболевание характеризуется состоянием преувеличенного присутствия Другого. Это наше соображение приводит к пересечению с известной концепцией Ж. Батая⁹. Батай дает универсальную трактовку космически расширенного бюджета энергии. Он исходит из биологической предпосылки, согласно которой живой организм накапливает больше энергии, чем расходует для воспроизводства своей жизни. Избыточная энергия используется для роста. Когда рост прекращается, непоглащенный избыток энергии должен быть израсходован непродуктивно. Эта энергия может быть направлена различным образом, например, на демографический или социальный рост коллектива, то есть на определенный род усложнения. Более наглядно поглощение избыточной жизненной энергии проявляется в смерти и размножении, в уничтожении отдельных существований и рождение новых поколений, которые затем вновь становятся добычей уничтожения. Суверенное расточительство в экономических формах непродуктивного потребления или в эротических и религиозных формах эксцесса становятся у Батая центральным пунктом понимания им его философии экономики Вселенной.

Здесь мы подступаемся к проблеме того, что именуется трансгрессией (лат. *trans* – сквозь, через; *gressus* – ход, движение). Это – термин неклассического философствования, буквально означающий «выход за пределы», своего рода опыт предела. М. Фуко довольно сдержанно взвешивает восхождение современности к состоянию трансгрессии¹⁰. С его точки зрения, современность началась с того, что дали слово сексуальности и возвестили о смерти Бога – тем самым отняли предел у Беспредельного. Смерть Бога ведет к опыту предела – в акте эксцесса, излишества и злоупотребления, стремящихся преодолеть этот предел. Трансгрессия – это жест, который обращен на предел. Предел и трансгрессия обязаны друг другу плотностью своего бытия. Трансгрессия доводит предел до предела его бытия. Она оплотняет бытие того, что отрицает. Вместе с тем, трансгрессия ничего не осмеивает и не стремится потрясти основы чего-либо. Она утверждает определенное бытие, а именно, бытие в пределах. В трансгрессии нет ничего от установления разрыва или разлученности, но есть лишь то, что может обозначить бытие различения.

Батай же понимает под трансгрессией радикальное преодоление социальных запретов, неучет целей рода в индивидуе. Он полагает, что наступил конец эпохе порядка, разумности, полезности, в которой господствовал принцип эквивалентности и максимума прибыли при минимуме затрат. Наступила эпоха трансгрессии, чрезмерности, суверенности и эротизма. История была подчинена сохранению жизни и поддержанию себя в ней. В ней господствовало рабское условие господства (Ж. Деррида), которое делало ее возможной. Батай считает, что маркиз де Сад явил-

⁹ См.: Батай Ж. Проклятая доля. – М.: Издательство «Гносис», Издательство «Логос», 2003.

¹⁰ См.: Фуко М. О трансгрессии // Танатография эроса. – СПб.: МИФРИЛ, 1994.

ся первым выразителем эпохи выхода за пределы, противопоставившего себя нормальному субъекту XVIII в. Ибо Сад подступился к парадоксальности: жизнь в наибольшей интенсивности, в поиске наслаждений отрицает самое себя. Обратившись к истории культуры (опираясь на труды Ф. Боаса и М. Мосса), Батай обнаруживает, что желание без цели, эротизм и смерть были хорошо известны в религиозной жизни традиционных обществ. В них область сакрального была строго отделена от профанного, точно так же, как порок локализован в современном обществе. Жестокость и разрушительность божественного проявлялась в жертвоприношениях, которые ничуть не уступали с его точки зрения по кровавости садовским сценам. Божественное оказывалось охранительным тогда, когда была удовлетворена потребность в разрушении.

Запреты всегда играли значительную роль в процессе становления человека. Люди в отличие от животных систематически подвергают ограничениям свою инстинктивную жизнь. Уже в первобытную эпоху возникает сексуальный стыд и сознание смертности. Похоронные ритуалы, ношение одежды, табу на инцест показывают, что древнейшие запреты относятся к человеческому труду и сексуальности – мертвому и обнаженному телу. А запрет на убийство обнаруживает более общий аспект: накладывается запрет на насильственность смерти и сексуальности – насилие, которое выражается так же в ритуальных кульминациях праздника и религиозного жертвоприношения. Зачатие, насильственная смерть или убийство связаны с культовыми трансгрессиями как преодоление тех границ, которые проведены в процессе индивидуализации.

Социальные нормы издревле выступали в качестве механизма сдерживания потока избыточной природы, которая обеспечивает жизненную полноту и постоянство своего бытия, поглощая отдельные существа. Сексуальность и смерть – область безграничной растраты, которую позволяет себе природа, вопреки глубокому желанию отдельного существа использовать ее для собственных целей. Сфера труда должна быть ограничена нормами, которые исключают насилие неуправляемой природы из обычного порядка вещей. Согласно Батаю, в значительно большей мере нормы берут свою обязывающую силу от авторитета священного. Он говорит о глубококом родстве закона и желания его нарушить. Запреты не являются законами разума. Скорее они открывают профанному миру выход в область священного. Только бездумный страх и ужас могли оказать сопротивление безмерному освобождению. Запреты обеспечивают существование мира и разума. Эротический опыт родственен религиозному в том, что он связывает покорность древнейшим запретам с экстазом преодоленного, следующего из профанации ужаса.

Жизнь традиционного общества делилась как бы на две сферы. Первая была подчинена полезной деятельности, в ней господствовало сдерживание активности. Вторая представляла собой непроизводительное расточительство, в ней царила интенсивность и разгул. Сферы эти были разделены, но вторая существовала за счет первой. Страх предавал смысл разгулу, а бесцельная растрата оставалась целью полезной деятельности. Батай приходит к выводу, что отрицание порядка и пользы лежит в природе людей. Человек по природе двойственен: он созидателен, но он же и устремлен к истреблению.

В современности наблюдаются ускорение процессов освобождения производительных сил, капиталистический рост, индустриально умножаются излишки, которые не могут быть поглощены одним продуктивным проявлением. В том же направлении действуют дисциплинирующие силы морали, отвращение к роскоши, объявление вне закона суверенных сил. Но если избыточное богатство не удаётся

растратить способом, обеспечивающим сохранение жизни, то единственными эквивалентами предстают катастрофические формы растраты – империалистические авантюры, мировые войны. Но с другой стороны, вполне возможен вопрос к предлагаемой концепции: имеет ли место в мире строгий баланс сил (на чем могла бы настаивать философия экономики мира) между накоплением и растратой, и в конце концов, каким механизмом он обеспечивается?

Ю. Хабермас, критически осмысливая концепцию Батая, замечает: «Спекуляции о равновесии в бюджете энергии космоса и мирового сообщества – вот что приводит Батая в его прогнозах в ту сферу, где тотальное овеществление должно неизбежно перейти в воскрешение чистой суверенной силы. Ведь ставшее универсальным общество труда настолько резко умножит непоглощенные излишки, что инсценировка расточительных оргий, широкомасштабного расходования станет неизбежным – будь то в форме катастроф или в форме либертарианского общества, которое безвозмездно отдает свое богатство для суверенного расточительства, то есть на эксцессы, на выход субъекта за пределы самого себя, на выход за пределы субъективности»¹¹.

Хабермас справедливо не желает входить в дурном смысле метафизическую картину мира, которая подводит к антропологически мотивированной форме преодоления экономики. Но, с другой стороны, безудержный рост всевозможных технологий стал еще больше служить человеку эпохи потребления для экономии энергии. А доступность сексуальности и увеличение времени досуга толкает людей на еще большее непродуктивное расточительство энергии, а значит, возводит человека к социальной патологии. Эпоха вседозволенности стала вести к потере ценностей и опустошению человека. Хотя нельзя не отметить, что вопреки этому набирает силу и обратный процесс, взывающий к значимости усилий и затрат в духовной области.

И действительно, невероятные темпы развития общества привели к тому, что материальная составляющая цивилизации развивалась быстрее, чем духовная. Люди оказались в тисках этого несоответствия. Выросшие возможности человечества оказались шире той моральной надстройки, которая должна была бы управлять этими возможностями. Человечество всегда опиралась на систему запретов и ценностей. В качестве же ценностей для делового человека становятся такие, как энергия, время, деньги, эмоции и стабильность, в которых этический компонент оказывается фактически упраздненным. С позиции либерализма ты не можешь делать то, что ограничивает свободу другого человека, а в рамках всего остального можно делать все что угодно. Но человечество не может жить в условиях раскрепощенного инстинкта. Христианская цивилизация имела совершенно определенное понимание свободы, выраженное устами ап. Павла: свобода – это свобода от греха. Распространение позитивистского мышления и прагматического отношения к миру привело к отходу от греко-христианской культурной парадигмы ценностей.

В настоящее время через механизмы телевидения, массовой литературы, Интернета человеческие отношения примитивизируются до предела, редуцируясь к элементарным формам и актам рыночного обмена и сексуального партнерства. Н. Бердяев предрекал, что в обесцененном обществе люди будут жить как в животноводческой ферме. Ему же принадлежит утверждение, что государство существует не для того, чтобы общество привести в рай, а для того, чтобы не дать ему скатиться в ад. Однако насколько эффективны действия властей в современной России? Приходится лишь разочарованно разводиться руками.

¹¹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Издательство ВЕСЬ МИР, 2008. – С. 244.